

Сян Мо пропал уже две недели. Хуай Янь превратился в безумца — таким его видели три года назад, вот только теперь безумие оказалось куда глубже прежнего.

Он поднял на ноги всех, кого только мог, — даже воспитанники приюта каждый день выходили на поиски Сян Мо.

Но всё, что касалось Сян Мо, будто упаковали и стёрли одним нажатием кнопки.

Эти две недели Хуай Янь метался между Подземным городом и улицей Миинь, ночуя прямо в квартире Сян Мо.

Похолодало уже по-настоящему, а они так ничего и не нашли. Последнее, что удалось выяснить о Ма Тае, — его видели у мусороперерабатывающего центра в Восточном районе Миинь, а дальше след обрывался.

На последней записи с камер Ма Тай исчезал у мусорной кучи. Рядом с ним крутились две свирепые чёрные собаки, грызущиеся из-за еды, — обе в крови с головы до ног: у одной было наполовину оторвано ухо, у другой изгрызена морда до кости. В конце обе рухнули на свалке и больше не поднялись.

Похоже, где-то под улицей Миинь пряталась прожорливая нора, пожиравшая всё, что до неё добиралось, — не оставляя даже осколков костей.

Рассудок, который Хуай Янь поначалу ещё худо-бедно удерживал, однажды рухнул окончательно. Вернулась бессонница, а стоило ему заснуть — он тонул в кошмарах, из которых не мог выбраться.

Ему хотелось вырвать искусственное солнце из Подземного города и притащить его сюда, на Миинь, — залить светом каждый закоулок, чтобы видеть всё до последнего угла.

Он случайно порезал палец лезвием, и кровь оказалась того же цвета, что и цветы из его памяти. Хуай Янь начал сомневаться в собственном существовании.

Потерянный и не вернувшийся Чжу Чэньюань — быть может, лишь сон. Он никогда не приходил обратно.

Он и правда сходил с ума.

В квартире Сян Мо повсюду жила его тень. Где бы Хуай Янь ни встал, он ощущал, как присутствие Сян Мо прокалывает кожу, плоть, вгрызается в кости, оставляя в теле

бесчисленные пустоты.

Из этих пустот Хуай Янь и черпал ощущение его существования — по пижаме, по кровати, по пузырькам лекарств и осколкам стакана.

Только тогда он мог с уверенностью сказать: он ещё не сошёл с ума.

Прошёл ещё месяц с лишним. Похолодало сильнее, ночные обитатели Миинь поредели, и разряженные гуляки на улицах вели себя уже не так бойко, как раньше, — зима наступала и для них.

Однажды вечером Хуай Янь только принял снотворное и начал проваливаться в сон, как вдруг сквозь дрему различил знакомые шаги в коридоре. Шаги замерли у двери. Следом послышался скрежет ключа в замке.

Хуай Янь не мог ослышаться. Он рывком вскочил, схватил с тумбочки нож и бросился из спальни, встав у двери.

«Кем бы ты ни был — человеком или призраком, — сегодня я непременно выясню правду», — думал он.

Дверь распахнулась снаружи почти сразу. В щели Хуай Янь увидел лишь часть силуэта — и узнал его мгновенно. Открывшим дверь оказался не кто иной, как Сян Мо, пропадавший почти два месяца.

Дверь распахнулась полностью, свет из гостиной упал на лицо стоявшего снаружи.

Похудевший, коротко стриженный. Одежда — не по погоде тёплая: длинный пуховик доходил до икр, молния расстёгнута, полы нараспашку, а под ним — серо-голубой свитер с высоким горлом. Опустив голову, он шагнул внутрь.

Хуай Янь уловил лёгкий запах алкоголя и рванулся вперёд, схватив его за руку:

— Чжу Чэньюань, где ты был?

Сян Мо никак не ожидал застать кого-то у себя дома. Вздвогнув всем телом, он мгновенно принял оборонительную стойку, оттолкнул схватившую его руку и отступил на два шага, вскинув взгляд.

В его квартире стоял совершенно незнакомый мужчина. Разглядев его лицо, Сян Мо ощутил, как сердце дрогнуло от невольного восхищения, — но тут же снова насторожился.

Он никогда не видел этого человека. Как тот вообще оказался у него дома?

Хуже того — незнакомец был одет в его собственную пижаму.левой рукой он мёртвой хваткой сжимал нож, лицо и шея горели красным от волнения, вьющиеся волосы отросли и в беспорядке падали на брови, скрывая покрасневшие глаза; грудь тяжело вздымалась, ключицы двигались в такт дыханию, а кожа под светом ламп отливала холодным блеском.

Помимо чувства чужести в душе Сян Мо поднималось смятение — будто он рулевой, потерявший направление в открытом море, и вокруг только безбрежная пустота.

— Я тебя спрашиваю, где ты был? — Хуай Янь, босой, шагнул вперёд, торопливо оглядел Сян Мо с ног до головы и лишь убедившись, что тот цел, немного успокоился.

— Где ты пропадал эти два месяца? Кто увёл тебя из больницы? Как ты вообще вернулся?

— Это вы мне? — Сян Мо растерялся от града вопросов, не понимая, о чём вообще речь.

Стоило бы вызвать полицию, но растерянность и страх на лице мужчины, его покрасневшие глаза выглядели так жалко — будто перед ним стоял человек, простоявший слишком долго на снегу и жаждущий хоть искры от спички, чтобы согреться.

Поэтому он терпеливо спросил:

— Вы не обознались? Я вас не знаю.

Только теперь Хуай Янь заметил неладное. Слишком взволнованный минуту назад, теперь, вглядевшись в глаза Сян Мо подольше, он увидел: взгляд снова изменился, снова стал чужим, снова не узнавал его.

— Ты... опять забыл, да? — голос Хуай Яня дрогнул. Он сделал несколько глубоких вдохов, отказываясь верить.

Он прекрасно понимал: вины Сян Мо в этом нет. Но огромная тоска всё равно давила сверху, придавливая его к земле.

— Забыл что? Простите, я не понимаю, о чём вы.

Сян Мо отвёл взгляд — не хотел смотреть в эти глаза, наливающиеся всё большей краснотой, будто вот-вот выгорят дотла; в них плелась сеть, обжигающая и липкая, и стоило смотреть дольше — казалось, она затянет внутрь и сожжёт заживо. Инстинкт подсказывал: опасность.

Опустив взгляд, Сян Мо заметил босые ноги мужчины, покрасневшие пальцы, и невольно нахмурился, из вежливости заметив:

— Холодно. Обуйтесь.

От этой заботливой фразы буря в душе Хуай Яня мгновенно утихла. Значит, Сян Мо всё ещё способен беспокоиться о нём. Он наклонился, достал из шкафа тапочки, надел их и снова выпрямился перед Сян Мо.

Сян Мо так и стоял за порогом, не входя, наблюдая, как тот обувается, и думал: странно, что этот человек вдруг оказался в его доме, да ещё так себя ведёт.

Впрочем, на Миинь хватало странных людей: перебравших спиртного или чем похуже, спятивших, путающих чужих людей со знакомыми, — в новостях то и дело писали про незаконное проникновение в чужие квартиры.

Всё это время он провёл в больнице под присмотром Мэн Нина. Он был благодарен, но почему-то, встречаясь с Мэн Нином, никак не мог ощутить той нежности, что жила в его воспоминаниях о них двоих. Он и сам не понимал причины.

Ведь в памяти он был очень привязан к Мэн Нину, тот прощал ему любые перепады настроения, и со стороны они казались завидной парой.

Невидимое давление душило его. Выписка была назначена на завтра, но сегодня он самовольно ушёл раньше срока, не предупредив Мэн Нина, и вернулся прямо сюда — где и наткнулся на этого непонятного мужчину.

Теперь стоило придумать, как поскорее выпроводить незнакомца.

Сян Мо только собрался как следует объясниться с человеком напротив, как явился Мэн Нин — запыхавшийся, будто бежал всю дорогу, — и тут же схватил его за руку.

— Сян Мо, почему ты не поехал со мной после выписки? Мы же договорились — ко мне. Зачем ты снова вернулся сюда? Знаешь, как я волновался?

Сян Мо незаметно высвободил руку, стряхнул хватку Мэн Нина и прошёл в гостиную, коротко бросив, что уже здоров.

— Ты кто такой? — Хуай Янь уставился на внезапно возникшего мужчину.

Мэн Нин посмотрел на Хуай Яня, поджал губы:

— Это я хочу спросить, что вы делаете посреди ночи в доме моего парня.

Голос Мэн Нина всегда звучал как-то невесомо, ненастояще, будто то приближался, то отдалялся.

Хуай Янь решил, что ослышался:

— Что ты сказал? Кем вы друг другу приходитесь?

— Сян Мо, кто это? — тон Мэн Нина заметно смягчился, в нём слышался упрёк, обида и капля ревности; на вопрос Хуай Яня он не ответил, обратившись вместо этого к Сян Мо.

— Не знаю его. Наверное, обознался, — Сян Мо расхаживал по гостиной взад-вперёд, будто что-то искал, а может, просто хотел занять себя хоть чем-то, лишь бы не стоять без дела.

— Чжу Чэньюань, я никогда тебя не перепутаю, — сказал Хуай Янь.

Мэн Нин подошёл к Сян Мо, естественным движением взял его под руку:

— Собери вещи. Много не нужно.

Они говорили друг с другом так, будто в комнате больше никого нет. Сян Мо коротко угукнул и скрылся в спальне — там, на кровати, остались следы чужого сна, а в шкафу висел не принадлежащий ему костюм.

Он сделал вид, что не заметил, и просто собрал несколько своих вещей.

Хуай Янь понимал: всё это ненастоящее, память Сян Мо наверняка снова переписали. Но то, что Сян Мо не противился прикосновениям Мэн Нина, всё равно давило на грудь тупой, кислой болью.

Он не мог понять одного: почему на этот раз Сян Мо не дали совершенно новую личность целиком, а лишь подправили часть — добавив некоего Мэн Нина в роли партнёра.

Возможно, по какой-то причине провести полную операцию по стиранию памяти снова не удалось, и им пришлось обойтись этим.

У Хуай Яня появилось скверное предчувствие: заставить Сян Мо снова признать в себе Чжу Чэньюаня будет непросто.

Куда больше его тревожило другое. Доктор Лу говорил, что подобные операции чреваты серьёзными побочными эффектами. Какими будут последствия на этот раз? Не повредит ли это его телу?

Мэн Нин подошёл к Хуай Яню и, понизив голос, спросил:

— Хуай Янь, что ты задумал?

Хуай Янь усмехнулся:

— Что, даже притворяться больше не хочешь? Что вы с ним сделали? Чего вы вообще добиваетесь?

Мэн Нин тихо рассмеялся — в смехе сквозила откровенная издёвка:

— Он был с тобой так долго. И чем всё закончилось? Погиб — и тела целого не нашли. Тебе не бывает стыдно, когда снятся сны по ночам? Не кажется, что ты перед ним виноват?

Мэн Нин явно был на взводе, но голос его так и оставался тихим, невесомым:

— Я давно ему говорил: мы, такие, как мы, рождены ползать по самому дну. Букашке нечего мечтать сорвать луну с неба — то, что тебе не принадлежит, не принесёт добра, даже если ты это получишь. Так всё и вышло, как я предсказывал.

— Предупреждаю тебя, Хуай Янь: если хочешь, чтобы Чжу Чэньюань спокойно жил дальше, — больше не лезь в его жизнь. Мы просто хотим выжить в этом прогнившем насквозь месте, вот и всё. И в его памяти теперь я. Только я, Мэн Нин.

Хуай Янь даже не взглянул на Мэн Нина, срывающегося в истерику и через силу сдерживающего голос. Он смотрел только на спину Сян Мо:

— Это всё фальшивка. Фальшивка так и останется фальшивкой. Настоящий — я.

Сян Мо, собрав вещи, направился к выходу. Хуай Янь перехватил его запястье, подушечками пальцев ощущая пульс — живое, настоящее биение под тёплой кожей, — и сердце сжималось от боли, толчок за толчком.

— Чжу Чэньюань. Ты забыл меня дважды. Третьего раза не будет.